

КУЛЬТУРА

Вадим Баранов, доктор филологических наук

В ПОИСКАХ «РАССУДИМОЙ ПРАВДЫ»

...Ее еще нет, этой книги. Но она уже рождается на наших глазах. Книга-репортаж «Возвращение Солженицына». Я мысленно листаю ее страницы. И думаю о том, что бы я, никогда в жизни не видевший писателя и лишь чуточку, самым краешком, в силу некоторых обстоятельств прикоснувшийся к его литературной судьбе, мог сказать сейчас. Возможно, мое свидетельство поможет молодым понять, как входил Солженицын в сознание людей моего поколения шестидесятников и как у иных из нас не все так уже просто было с этим вхождением...

Ну а в заголовке моих заметок, думается, читатель не должен усматривать какой-то нескромности, тщетного полупознания на этой микромолонии. Собственно говоря, каждый внимательный читатель по отношению к любой огромной писательской фигуре может сказать «мой», потому что уже в самой этой огромности таится возможность бесконечной множественности индивидуальных восприятий. И наперед могу сказать: заметки эти в конечном счете отнюдь не будут апологетическими.

Итак, Солженицын вернулся. Не президент. Не депутат. Просто Солженицын. И уже этим сказано: высший нравственный авторитет. Без него все эти двадцать лет Россия была «неполноценной», если вспомнить А. Платонова. Ну а придет ли жизнь субъективные заметки солженицынского варианта «обустройства России», покажет будущее.

Солженицын возвращается домой, полный сил и энергии. И пусть поскорее осуществится старинное выражение «дома и стены помогают». Чисто по-человечески, житейски, ведь неслучайно приходится вставать в новый ритм. Особенно в почтенном возрасте. А, впрочем, бывшему лагернику, похоже, не мешали, если даже не «помогали», любящие стены. Дай Бог, чтоб не замирало движение пера.

Мои мысли о Солженицыне рождаются в долгой зарубежной служебной отлучке, там, где доступ к отечественной прессе нынче максимально ограничен условиями подписки. И — лишь по-человечески, добываясь — по приезду в Москву. Но все-таки кое-какие газеты я мог использовать, как и радиостанции («Свободы» в первую очередь). И некоторые отклики вызывают по меньшей мере недоумение.

Не стану спорить с небезызвестным Лимоновым («АИД») по поводу того, что Солженицын якобы устроил шоу-бизнес из своего возвращения. Не сказать, впрочем, что это суждение лишено уже всякого резона (если подходить к вопросу с чисто вышешней стороны). Но в этой точке зрения заключена все же очевидная недостаточность. Лимонов смотрит на ситуацию извне, так сказать, с позиций подростка Савенко. И не хочет понять, что именно Солженицын имеет моральное право и на такой свободный маршрут по Родине, которая в свое время заключала его в жесткие колючие рамки режима, а в случае нужды предоставляла казенный транспорт особого рода.

Потому мне близка точка зрения М. Коралова, бывшего лагерника. Он пишет: по своей тактике и стратегии, по решимости и молодости «вагнеровской» вариант» достоин автора «Архипелага ГУЛАГ» («Сегодня»).

Кстати, читал ли Лимонов «Архипелаг»? Читал ли он вообще Солженицына, ежели отваживается назвать его писателем из группы «деревенщиков»? Это автора «Круга пера», «Ржавого колесца», «Красного колесца» (столкнувшись на особом и по тем же и по обычно исполненным). Мнение о незначительном деревенщике — это уже не просто субъективное, личное высказывание, а проявление невежества. О неуважительности и говорить нечего.

Не могу не выразить далее возмущения по поводу бестактности некоего Г. Амелина, тем более что его злостные выпады шли и на страницы зарубежной прессы. В «Независимой газете» он пишет о всемирно признанном писателе (привожу в обратном переводе с польского): «это евнух, раб собственной славы. Все его знают, но никто не читал (хотя порой и берется судить — добавлю от себя). Появился он в России как выцветший призрачок 1 мая и так же архаично, нафталину ему, нафталину! И пусть поживает спокойно».

Полностью разделяю гневное мнение Игоря Виноградова, высказанное в «Московских новостях» по поводу недопустимых выхождений никому не ведомого Григория Амелина, решившего в одиночку ступить на славя, пусть и самую не то чтобы сомнительную, но просто зловонную. «Кому много дано, с того много и спросится. Опять наша русская нестыковка. Кем спросится? И когда? Да опять же тот, кому много дано, сам с себя спрашивать должен первым. И строже, чем кто-либо. А мы ведь живем совсем по другому принципу: если с нас не спрашивают Нелю, можно чего-то и не делать, чего-то не замечать. И уж, конечно, скромно понаблюдать, когда кто-то вступает в борьбу со злом, внимательно наблюдая, однако, за хо-

Книга документальная. «Архипелаг» не только затрагивает судьбы сотен и тысяч реальных людей. Она детально воссоздает механизм функционирования лагерной системы, психологию ее «обслуги», социальную основу ее возникновения. Поэтому информация о ней в процессе ее рождения ни в коем случае не должна была просочиться туда, куда ей явно не следовало попадать. И — не просочилась!

Солженицын в принципе против революции, переворота, переворачивающих все и вся. Но читая его рассказы о том, как полагал «Архипелаг» на Западе, и видишь, что в делах конспирации писатель едва ли не превзошел опытейших профессионалов — революционеров. Тут уже успех дела объясняется тем, что действовал он не один. Помогали самоотверженные единомышленники.

Пока не каждому известно, что решающий удар по созданной Сталиным системе А. Солженицын нанес тогда, когда руководство страны во главе с Брежневым, этим лидером «наимрававшегося злостоя», предпринимало настоятельные попытки ревидировать решения XX съезда партии, на котором был раскритикован культ личности Сталина. Солженицын высказывался открыто, смело, с полнейшей свободой. СЛОН был лагерем особого назначения, совсем не таким, как Колыма или Мерау. То был лагерь, где издевательский режим прикрывался множеством показушных моментов: тут и театр, и симфонический ансамбль, и библиотека с уникальными изданиями, и собственный журнал, и развитое хозяйство. В Нижегородском музее Горького хранится альбом, подаренный высокому гостю хозяевами лагеря с более чем сотней фотографий.

Мне уже приходилось писать, что Солженицын, давая общую уничтожающую оценку Горького, много не знал и не мог знать, так как часть важнейших материалов была опубликована позднее, например, в журнале «Вопросы литературы», по доносу отдельных подпольщиков-реабилитов, как Рукатов. Следовательно, не было и никакого ГУЛАГа.

У меня сложилось резко отрицательное отношение к этому роману, и 17 сентября 1974 года «Комсомолка» опубликовала развернутую рецензию скромного критика из провинции, «дротика» Горьковского университета.

Спросит: но при чем конкретно здесь Солженицын? И я тогда прямо не связывал свою скромную рецензию с его работой. Но нашлись куда более зрелищные, а главное, сверхважные мэтры от литературоведения, которые связь нашли. И кое-кто из ретивых «охранителей» крепко меня тогда разругал за эту рецензию (к примеру, в журнале «Москва» тех лет), обвинив во всех смертных грехах.

Совская система была волею не на тех, которые волею чего-то недостойны. Всевидящих глаз и всепроникающей ушей у нее было более чем достаточно. И вот в один прекрасный день ко мне домой (было это еще в Нижнем Новгороде) явился даде в штатском, вежливо представился, показал удостоверение сотрудников КГБ и изложил часть переписки с наиболее резкими высказываниями по поводу романа «Война», который официальные круги начали всячески опекать.

Ну а у автора рецензии возникли и кое-какие другие сложности: проработка на месте, разрыв связи с руководством Союза писателей на работу в Москву, неожиданные осложнения в ВАКе с диссертацией... Кстати сказать, наиболее яростные защитники Стадиюка (иные из которых завершили нелепачную брань в мой адрес подписью «сталинский сокол») носились «клевтаников» наше Отечество, и в первом ряду были, естественно, Солженицын и Сахаров. Вот так и состоялось мое заочное знакомство с Александром Исаевичем.

Впрочем, первое критическое «соприкосновение» с ним произошло чуть раньше. Между «Иваном Денисовичем» и «Архипелагом» писателю удалось опубликовать в нашей печати несколько рассказов. А как раз тогда в «Литературной России» развернулась дискуссия о жанре рассказа, в которой принял участие и я. Отлично осознавая значение триумфа Солженицына в глазах оппозиционной интеллигенции, я тем не менее высказал спокойное критическое замечание о композиции рассказа «Случай на станции Кречетовка», начало которого показалось мне слишком затянутым и нарушающим его художественную целостность. Замечание в общем частное, не касавшееся поднятой проблемы.

И тут, может быть, впервые в жизни, я убедился, до чего крайности сходится, до чего вылезла в нас, так сказать, партийность. И уж явно без сто процентной гарантии успеха этой, конечно же, «внешлановой» работы и шансов на ее выход. И, наоборот, огромный риск для всей своей последующей судьбы.

Говоря об «Архипелаге», его порой как-то легко ставят в ряд с другими книгами Солженицына. А между тем, не только в его творчестве эта книга совершенно уникальна. Это я хочу подчеркнуть особо. Можно спорить, справедливы ли были мои замечания, но

и невидимый со стороны подвиг, во время которого Горького поддерила невероятному психологическому прессингу. Частично я писал об этом в двух больших статьях в газете «Культура» в марте 1993 года, в потом интервью Горький и Сталин — враги... Версия! Сенсация! Реальность. («Книжное обозрение», 5.04. с.г.) в связи с подготовкой к выходу книги «Горький без грима» в издательстве «Московский рабочий». (Когда она появится, одно Господу известно, о издательстве нет денег).

Сложнее с Шолоховым. Когда упомянуть «Книжное обозрение» начало кампанию за возвращение Солженицыну советского гражданства, я немедленно послал в редакцию письмо с безоговорочной поддержкой этой идеи и самым высоким отзывами о феноменальной личности Александра Исаевича, его кременевой стойкости и огромном таланте. Но, как обычно, я пошел не совсем в ногу с «флотой».

Закончив главную, положительную часть письма в «Он» названного не без умысла «Камешек на дороге», я коснулся отношения Солженицына к проблеме авторства «Тихого Дона». Все в том же памятном 1974 году на Западе вышла книга «Стрелять Тихого Дона», имя автора которой было скрыто под псевдонимом Д*. Я тогда же получил галерею возможностей прочесть книгу, а также переписать все, что существовало к тому времени по этой проблеме, сравнил издания «Тихого Дона» с «Донскими рассказами» и «Поднятой целиной» и пришел к выводу о методологической несостоятельности концепции Д*, рассматривающего «Тихий Дон» изолированно от других произведений писателя. А между тем множество точек соприкосновения, которые невозможно «организовать» искусственно, задним числом.

Александр Исаевич снабдил книгу предисловием, подтверждающим авторство, коего назвал выдающимся филологом. В дополнительных главах к повествованию «Бодялся теленок с дубом» имя автора «Стреления» названо: Ирина Медведева-Томашевская. Откровенно и подробно рассказано и о роли самого Солженицына в рождении рукописи. А закончены дополнительные главы следующей ссылкой на мое письмо, которое «КО» не опубликовало (идет как в «Вестнике»), но переслало в Вермонт.

«Мы, в интересах детей И. И., должны были еще 15 лет скрывать имя автора, давая повод насмешкам, что я этого Д* сам придумал. «Специалисты» считают ошибкой, с позиций средств массовой информации, в действительности превратился в самое сенсационное, с этой точки зрения, событие. Поскольку, поступив таким образом, Александр Солженицын сможет пообщаться на протяжении месяца (а возможно, и больше; это еще никому не известно) с десятками миллионов своих сограждан на всей территории этой необъятной страны. В то время как, если бы он сразу же попал в объявленную московской прессой — которая, кстати, почти не распространяется в провинции — эффект был бы куда меньше. Тем более что ее внимание ему все равно не избежит, когда он в конце концов придет в Москву.

Не знаю, есть ли в этом какой-то сознательный расчет писателя. Или же просто такова участь праведников и пророков. Я, как журналист, мог лишь восхититься моральным уровнем и величием исполнению операции.

Солженицын вновь оказался прав. Один против всех! Казалось бы, за 20 лет уже можно было привыкнуть к этому. Сколько издевок ему пришлось пережить в 1974 году, когда после публикации «Архипелага ГУЛАГ» и своей неделиваемой славы высланы он заявил: «Я вернулся в мою страну после падения коммунизма!»

Теперь средства массовой информации — и французские не составили здесь исключения — утверждают, что русские не читали главного творения его жизни — его монументального труда «Красное колесо». И, более того, что Солженицын возвращается «слишком поздно».

«Слишком поздно...» говорит он с улыбкой. — Но по отношению к чему или к кому? Я — частное лицо, возвращающееся на Родину после 20-летнего вынужденного высылки. Я знал, что в России у меня не будет таких условий жизни, какие я имел в Вермонте. Поэтому я хотел сначала закончить работу над «Красным колесом». Это было самое важное, что я должен был сделать. Три года назад я тем не менее напи-

сал об обустройстве России; тогда Горбачев сделал все, что было дискредитировало меня, поскольку я шел вразрез с его реформами, которая была не чем иным, как средством посадить вновь номенклатуру на ключевые посты в новом обществе. Сегодня мы видим результат: наше демократия — номенклатурная демократия! Потом я предостерегал нынешнее правительство от повторения ошибок февраля 1917 года. От полной ликвидации прошлого административными реформами. Но шестно. Безасудные реформы Гайдара причинили стране огромный вред. Возвращение Солженицына — это возвращение истории.

Для нынешних российских руководителей, вышедших из коммунизма, история начинается с октября 1917-го. Все определяется относительно этой трагической даты. А Солженицын видит венную Россию. Возможно, русским потребуется лет десять, чтобы «освоить» «Красное колесо», но так или иначе оно станет для них основополагающей книгой века — книгой, где они, пролезна за поколениями, будут находить принципы трагедии, разгравшейся в их стране, трагедии, главной жертвой которой оказался их народ.

«те, кто говорит, что я возвращаюсь слишком поздно», — продолжают Солженицын, — подразумевают, что мне следовало бы играть какую-то политическую роль. Нет, мой единственной деятельностью будет гражданская деятельность. Но даже согласно их критериям я возвращаюсь не слишком поздно, поскольку самая важная реформа еще впереди. Это аграрная реформа. Провалить ее было бы катастрофой. Я сделаю все, что в моей власти, чтобы она увенчалась успехом!»

Крестьянство очень много значит для Солженицына. На следующий день после приезда в Хабаровск, город с населением 700 тысяч жителей и слезами Амурского Уездного предпринял трехчасовую поездку на автобусе по дороге, напоминавшей скорее испытательный полигон для машин, с четырьмя ведущими колесами, с жестким шасси. Он хотел посетить уездцев — один из самых малочисленных коренных на-

родов Сибири. Но мы так и не добрались до них. Дохав до поселка Переяславка, мы не смогли двинуться дальше из-за наводнений. Жители поселка не знали о приезде великого писателя. Однако новость распространилась моментально, и через 10 минут недоверчивые крестьяне собрались возле закрытого сельмага. Вначале они не осмеливались обращаться к Солженицыну. Но буквально через полчаса лед скованности растаял, и посыпались вопросы, нет, вернее сказать, сетования и жалобы. Как будто Александр Исаевич был их последней надеждой. Они рассказывали ему о своих больших и малых повседневных проблемах, просили заступиться за них перед Богом. Ельциным, некоторые пытались поцеловать ему руку, от чего он смущенно уклонился. В Переяславке, в Марково (под Благовещенском), в любой другой деревне подобные сцены повторялись всякий раз. Иногда Солженицын даже краснел перед таким горячим проявлением чувств, таким доверием и таким наивным легковерием и историческим злуполучием простого деревенского люда, являющегося на деле — он это прекрасно знает — стано-вым хребтом страны.

Москва, которая была для них прежде третьим Римом, стала «Содомом и Гоморрой», местом, где процветают лишь секс-индустрия и организованная преступность. Солженицын слушает их, сам говорит мало и записывает, записывает, записывает... Сенсацией оказалось отношение Солженицына после его возвращения на российскую землю к священнослужителям и церкви. Я до сих пор остаюсь в недоумении. На протяжении всех 10 дней, что я провел в его окружении, Александр Солженицын лишь однажды присутствовал на церковной службе, да и то это была служба — поминание жертв ГУЛАГа, состоявшаяся в Хабаровске, в небольшой часовне, построенной на пожертвования. Меня могут упрекнуть, напомню, что это личное дело, не касающееся журналиста. Суть лишь в том, что религия играет фундаментальную роль во

взглядах Солженицына, и поэтому было странно видеть, что он избегает посещения церкви, особенно в ходе столь пронзительной духовностью поездки, как эта. Я попытался спросить его об этом. Он уклонился от ответа.

Так что остается лишь строить догадки. И, наконец, последнее, что вызвало мое удивление, — это поведение военных. Майоры, подполковники, полковники, генералы — все при встрече с Солженицыным вставали по стойке «смирно» и отдавали ему честь, как старшему по званию, хотя он — простое гражданское лицо, не занимающее никакой официальной поста. А когда они обращались к нему, это больше походило на военный рапорт. И лишь после нескольких настоящих просьб с его стороны они расслабились и позволяли себе вставать по стойке «вольно».

Для них также Солженицын — высокий моральный авторитет. Возможно, единственный моральный авторитет страны. Их горести можно репатриировать одним словом: патриотизм. Будучи патриотами, они жалуются на то, что их, наоборот, считают «антидемократами», «националистами» и даже «красно-коричневыми».

«Не обращайтесь внимания», — успокаивает их Солженицын. — Вы — шит страны, именно вы проливаете кровь ради ее защиты, как вы это делали на протяжении всей нашей славной истории. Патриотизм — хорошее слово. Я его определяю так: беззаветная любовь к Родине и народу, любовь, которая не забывает о ее законных требованиях, но справедливо оценивает также ее пороки и прегрешения. Нужно любить, хранить и защищать национальную культуру. Сегодня Россия находится в ужасном положении: после распада СССР 25 миллионов наших сограждан остались за пределами нашей страны. Они оказались оторванными от нас на 24 часа. И Россия не сделала ни одного враждебного жеста. Побойтесь найти более миролюбивый наречие, наш!»

Какая демократия нужна России? Это слово у нас уже настолько оплошило, что оно превратилось в ярлык. Демократия — это просто власть народа; это когда сам народ решает свою судьбу. В России мы слишком далеки от такой демократии! И я не могу сказать вам, когда мы придем к ней. Коммунистический монстр все еще сидит в нас. И все же наша единственная надежда — это мы сами...»

КАК ПРОСТОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ЛИЦО...

«Фигаро-магазин» помещает следующую статью Виктора Лупана. ИТАР — ТАСС, она публикуется нами с небольшими сокращениями. — Александр Солженицын приехал! Вот он, вот он! — Где? Женщина небольшого роста, по виду — крестьянка, которой толпа, собравшаяся на вокзале Благовещенска, чтобы встретить писателя, не дает приблизиться к нему, опускается на колени и начинает молиться. — Благодарю тебя, Господи, что ты защитил его, — бормочет она — благодарю тебя, что направил его к нам. Это наш спаситель! Солженицын ее не видит, вокруг столько народу... Официальные лица, местные журналисты, представители международной печати... — Пожалуй, — вновь любезно обращается он к нам. — Вы уже столько фотографировали! Разве недостаточно? Это частная поездка. Не надо возвращать ее в шоу... Выбрав самый долгий путь для возвращения в Москву, Солженицын хотел избежать чрезмерного ажиотажа в средствах массовой информации. Поэтому многие аналитики провозгласили, что его возвращение не представляет собой события. Но если бы они поблизи с ним хотя бы неделю в его далеком и комфортабельном поезде по «Транссибу», они бы поняли смехотворность своего утверждения. Он был столь любезен, что принял меня с глазу на глаз в своем гостиничном номере в Хабаровске. «Вы должны извинить меня», — сказал он мне с улыбкой, но твердо. — Я обещаю давать эксклюзивные интервью только местной российской печати. И я выполняю обещание. Это — проявление уважения...» Безусловно, благодарная позиция. Но еще и сколь эффективная! В каждом городе — крупном, среднем или маленьком — он в течение нескольких дней кряду становится главной темой первых полос газет, передач радио и телевидения. Местные журналисты, понимая, сколь историческая миссия выпала на их долю — к нему они, понятно, не привыкли, — стараются переогорить друг друга, публикуя репортаж за репортажем, статью за статьей. Эта долгая поездка, которую